

стоящее время многие этносы разнородны по своему религиозному составу, однако в прошлом (в доклассовом и раннеклассовом обществах) этносы нередко совпадали с религиозными общностями. Далее показывается, как в последующие эпохи это совпадение исчезало, как распространялись так называемые «мировые» религии. Любопытны приведенные автором данные о соотношении у людей религиозного и этнического самосознания: первое может, например, преобладать в семейно-бытовой сфере, второе — в политической. Здесь же рассматривается проблема этнообразующей роли религиозного фактора. В заключение автор ставит вопрос о судьбе религии и приходит к выводу, что «влияние религии падает во всех уголках нашей планеты» (стр. 181).

Книга П. И. Пучикова «Современная география религий» написана хорошим языком, с глубоким знанием дела, содержит ценный фактический материал и интересные выводы. Книга, несомненно, явится полезным справочным пособием для пропагандистов научного атеизма, а также для широкого круга читателей.

М. С. Бутинова

НАРОДЫ СССР

СОВРЕМЕННОСТЬ ГЛАЗАМИ ЭТНОГРАФА

(о книге В. Ю. Крупянской, О. Р. Будины, Н. С. Полищук, Н. В. Юхневой «Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970)». М., 1974, 315 стр.

Дискуссия о том, что такое этнография современности, будет более эффективна если учитывать опыт уже завершенных исследований. Ответ на многие злободневные вопросы читатель найдет в недавно опубликованной книге четырех авторов — В. Ю. Крупянской, О. Р. Будины, Н. С. Полищук и Н. В. Юхневой «Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970)». Монография позволяет представить, какие аспекты культуры и быта урбанизированных народов являются предметом непосредственного изучения этнографов, при рассмотрении каких сюжетов целесообразно использовать данные родственных наук — истории, социологии, искусствоведения, в каких случаях для углубления исследования необходимо применение социологических и количественных методов для выяснения целостной картины жизни народа.

Книга аккумулирует последние достижения этнографической науки в этой области. Сразу нужно сказать — эта работа выходит за рамки обычных этнографических исследований. Авторы ставят широкую задачу «...проследить те изменения, которые произошли в наиболее существенных областях быта рабочих за годы Советской власти и выявить при этом характерные культурно-бытовые особенности, свойственные определенным этапам развития нашего общества» (стр. 3).

Предметом изучения, таким образом, являлись не только национально-особенные черты культуры, но и в целом культура, функционирующая на бытовом уровне.

Уже цели работы и подход к пониманию предмета исследования приближают книгу к работам социологического характера широкого профиля. Значительное внимание авторы уделяют и методологическим вопросам.

В интересном и многообещающем введении выделены основные методологические приемы исследования. При этом высказаны общие соображения об эффективности различных методов познания, в частности сравнительно-исторического, функционального, системного. Продуктивной представляется идея авторов рассмотреть изменения на конкретном объекте через определенный исторический период. Для более детального исследования выделяются временные «срезы» — в книге особое внимание уделено первому послереволюционному десятилетию и современному периоду, связанному с научно-технической революцией.

Трудно согласиться лишь с тем, что в монографии этот метод изучения через временные срезы назван синхронным. Синхронный метод обычно предполагает изучение событий или явлений, происходящих примерно в одно и то же время, но в разных местах.

Сосредоточение внимания на социальных и бытовых проблемах (стр. 4) трактуется как изменение объекта исследования, но в качестве объекта исследования здесь все время выступают рабочие Тагила и, следовательно, речь идет не об объектах, а о предмете изучения. Однако не в этом главное. В целом серьезное внимание к методологии исследования составляет, несомненно, достоинство книги.

К достижениям авторского коллектива надо отнести последовательное стремление реализовать теоретические положения в изложении конкретного материала. Важно подчеркнуть, что рецензируемая книга является второй частью двухтомной монографии,

задуманной и выполненной по единому плану. Первая часть, вышедшая в 1971 г.¹, давала содержательную характеристику формирования уральских рабочих на демидовских заводах XVIII—XIX вв. и особенностей их культурно-бытового развития в XIX—начале XX в. (до Великой Октябрьской социалистической революции). В связи с этим процессы, ставшие предметом исследования во второй книге этого двухтомного издания, воспринимаются читателем в совершенно определенной исторической перспективе. Однако характерная черта избранного авторами метода исследования не только в сопоставлении современности с прошлым. Авторы стремятся не следовать за определенными событиями, как это обычно практикуется в исторических исследованиях, а анализировать определенные пласты быта и культуры, которые развиваются в зависимости от социально-экономических и политических факторов, но имеют свои особенности и свое хронологическое членение. «В отличие от исторических исследований,— пишут авторы,— в этнографических не нужны и невозможны последовательные в хронологическом смысле описания. Так, например, если изучаются определенные аспекты материальной культуры населения, то в конечном счете важен вопрос не о том, когда был построен тот или иной конкретный дом (хотя это и приходится выяснять в процессе изучения) или шито именно это платье, а когда тот или иной тип жилища или одежды получил массовое распространение, стал составной частью культуры, т. е. традиции» (стр. 3, 4). Подобный подход осуществляется в разделах, посвященных производственной и общественной жизни, семье, материальному быту и духовной культуре. К сожалению, в первой главе, «Промышленное и культурное развитие Нижнего Тагила за годы Советской власти», использованы недостаточно четкие хронологические рубежи (данные приведены то на 1964, то на 1965, 1970 гг., см. стр. 9, 10, 12). Наиболее удачно в этой главе социально-демографическое описание объекта.

Отчетливо прослеживается стремление авторов изучить культуру и быт рабочих Нижнего Тагила как целостную систему. Производственный, общественный и семейный быт со всеми их элементами повсюду рассматриваются на фоне социально-политических изменений в стране. Многосторонность исследования — одна из характернейших черт рецензируемой работы.

Мы пользуемся случаем высказать мнение о специфике всестороннего, говоря осторожнее, многостороннего и комплексного подхода при изучении явлений. Всесторонность исследования, например культуры и быта, обязывает включить в предмет изучения все их собственные элементы, тогда как изучение явлений экономического, политического и т. п. порядка, которые определяют развитие культуры и быта, но не входят непосредственно в их систему, не является обязательным. Поэтому и в данной работе совершенствование общественно-политической системы, изменение социальной структуры рабочих, рост экономики рассматриваются как основа тех перемен, которые происходят в культурно-бытовой жизни рабочих. Но сами по себе они непосредственно не изучаются этнографами. Используются знания о них, накопленные специальными науками. В этом, на наш взгляд, одно из отличий этнографических исследований от этносоциологических, в которые явления экономические, социальные, психологические в жизни народов входят как непосредственный предмет изучения. Каждое из этих явлений должно рассматриваться во взаимной связи со всеми другими; изучается и сам механизм этой взаимосвязи, что и обеспечивает комплексность исследования.

Авторы рецензируемой книги хорошо знают исследование историков, социологов, демографов, посвященные объекту изучения, и умело включили их результаты в канву монографии. Особенно удачно используются специальные социологические исследования, проведенные в Нижнем Тагиле².

Вместе с тем нередко в книге мы встречаем такие сюжеты, где авторы не имели возможности опереться на необходимые обобщения и вынуждены были, по уже сложившейся в этнографии традиции, сами браться за исследование «белых пятен» в «чужих» областях для выявления полной картины культурной жизни. Так, большую поистине исследовательскую работу по обобщению материала в смежных с этнографией зонах изучения провела Н. С. Полищук при написании главы «Культурная жизнь». Основными источниками для исследования культурной жизни послужили пресса, воспоминания, архивные материалы. Здесь этнограф работал и за историка, и за искусствоведа, и за литературоведа. Но наиболее ярко написан в этой главе раздел об устно-поэтическом репертуаре.

Таку же работу за представителей смежных дисциплин проделала в известной мере и Н. В. Юхнева в историко-социологическом исследовании производственной жизни рабочих. Глава эта, несомненно, интересная, полнокровная, так и хочется сказать «выстрадавшая» автором. Действительно, Н. В. Юхнева прилагает все силы и весь свой профессиональный опыт, для того чтобы отстаивать мнение о том, что производственная жизнь подлежит изучению этнографами. (Почему-то во введении к главе она назы-

¹ В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук, Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.), М., 1971.

² М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов, Социальные перемещения, М., 1970; «Человек, труд, быт», «Уч. записки Свердловского гос. пед. ин-та», 1970; «Проблема общего образования трудящихся промышленных предприятий Урала», Свердловск, 1969.

вает производственную жизнь объектом, а не аспектом изучения, хотя объектом, конечно, выступают нижегородские рабочие.) Автор констатирует, что включение производственной жизни в сферу этнографического исследования — вопрос дискуссионный. Отстаивая свою позицию, Н. В. Юхнева приводит следующую систему доказательств: 1) производственная жизнь — необъемлемая часть образа жизни рабочих; 2) она влияет на все проведение нерабочего времени; 3) в ней сохраняется различие между большими группами людей, отличающихся по профессии; 4) производственный быт рабочих разных народов имеет свои особенности, которые дополняют этническую характеристику народов. Подчеркнем, что Н. В. Юхнева дала четкие операциональные определения всем использованным понятиям, показав пример не только этнографам, но, пожалуй, и многим специалистам, которые считают себя этносоциологами. Однако попробуем разобраться в этом дискуссионном вопросе.

Бесспорно, производственная сфера — существеннейшая часть образа жизни. Но что в ней является предметом изучения этнографов? Автор понимает под производственной жизнью «...совокупность условий, которые создаются на производстве определенной материальной средой и взаимоотношениями людей между собой, а также отражение того и другого в сознании. Таким образом, производственная жизнь — это, во-первых, материальная сторона труда: орудия труда, способы работы, бытовые условия труда (производственная среда, одежда, питание во время работы и т. п.). Это, во-вторых, взаимоотношения между людьми в процессе производства, т. е. обстоятельства, характеризующие труд как социальное явление... И наконец, в-третьих, к производственной жизни относятся элементы духовной культуры: профессиональные обычаи, традиции, производственный фольклор, система ценностей, связанных с производственным статусом» (стр. 30). Что касается первого, то автор согласен с тем, что в условиях современного урбанизированного общества элементы материальной стороны труда все более переходят в компетенцию других наук. Этнографы, по мнению Н. В. Юхневой, должны изучать отношения рабочих к новой технике, процесс физиологической и психологической адаптации к условиям труда (стр. 30). Отношения людей на производстве — чисто социологическая проблематика и в ней могут быть выделены лишь некоторые этнические аспекты (например, между мастером и рабочим в производственном коллективе узбеков может быть больше внешней уважительности, чем, например, в коллективах украинцев, литовцев или других, т. е. речь может идти лишь о какой-то этнической окраске поведения). Но то же самое изучают социологи и психологи. Конечно, не стоит жестко делить, кто чем призван заниматься. Этнографы вынуждены нередко охватывать широкий круг проблем, если нет специальных исследований, которыми они могут пользоваться. Но все же у этнографов может быть собственный угол зрения или свой подход к изучению этих явлений. Видимо, на этом стоило бы заострить внимание.

Если всесторонне изучать отношение рабочих к технике, адаптацию их к условиям труда, наконец «взаимоотношения между людьми в процессе производства» (второй компонент производственной жизни, выделенный автором), то входит ли это в культуру, функционирующую на бытовом уровне, что авторы считают предметом этнографических исследований? Что касается третьего компонента производственной жизни — производственных обычаев, традиций, производственного фольклора, то они действительно ждут этнографического изучения. Кроме того, и некоторые другие стороны производственной жизни еще требуют внимания этнографов — этнические аспекты профессиональной ориентации, место производственных интересов, профессиональных ценностей в образе жизни разных народов. В данной монографии такое изучение осуществить было трудно — 88% населения Нижнего Тагила — русские. Но в принципе этнический аспект производственной жизни должен быть шире изучен, ибо он очень важен в практике социального управления.

Традиционно характеристику быта этнографы дают через такой социальный институт, как семья. Для главы, посвященной этому сюжету, характерно стремление учесть все новое, что появилось в этнографии, демографии и социологии о семье. Но этнографический угол зрения, почерк профессионала-этнографа здесь выступают со всей очевидностью. Например, структура семьи изучается и демографами, и социологами, и этнографами, но сам подход к дифференциации семей в рецензируемой книге характерно этнографический — выделяются семьи старожилов, вновь прибывших и смешанные семьи, состоящие из старожилов и вновь прибывших. Используются различные источники — и статистика, и анкеты, которые дают общую картину. При этом особое внимание уделяется этнографическим наблюдениям, записям бесед в семьях.

Социологи поставили проблему социального состава семьи — этнограф ее также рассматривает, но главное внимание его направлено на изучение главенства в семье, семейно-родственных связей, хозяйственно-бытового уклада.

Семейная обрядность и культурный облик семей рассмотрены автором этой главы В. Ю. Крупянской в традициях лучших этнографических исследований. В главе много интересных наблюдений, например о влиянии пятидневной рабочей недели на проведение свободного времени, о распределении обязанностей в семьях молодых и пожилых рабочих, в семьях, члены которых работают в разные смены. Этнограф подметил важное и достоверное. К сожалению, остается все-таки невыясненным, насколько то или иное названное выше явление распространено в тех или иных слоях рабочих. В целом же в главе о семье, видимо, найдено оптимальное сочетание профессионально-этнографического изучения с использованием достижений других наук, при котором

этнограф не подменяет собой специалистов других дисциплин, а в совершенстве выполняет присущую ему работу.

В историко-этнографическом аспекте написана и глава об общественном быте. Названа глава значительно шире «Общественная жизнь»; с этим трудно согласиться. Последнее понятие более широкое, оно охватывает много политических вопросов, не входящих в предмет этнографического рассмотрения культуры и быта.

Итак, перед нами интересное исследование, которое привлечет внимание не только этнографов, но и историков и социологов. Исследование многоаспектное, написанное на высоком профессиональном уровне, отражающее современную жизнь. Вместе с тем оно показывает возможности этнографической науки в изучении современности. Как и всякое серьезное исследование, рецензируемая работа позволяет не только делать выводы, но и ставит новые проблемы.

Монография еще раз показывает, что этнографы не ограничиваются традиционными сюжетами при изучении современной культуры народов. Они стремятся рассмотреть все реально функционирующие элементы культуры на уровне повседневного поведения людей. Поэтому в этнографии все шире применяются методы конкретно-социологических исследований и математические методы. Однако использование таких методов не делает этнографические исследования этносоциологическими, ибо различается прежде всего предмет исследования, конкретная методология. И по-прежнему остается актуальным вопрос, как лучше сочетать этнографические и социологические методы, как лучше распределить силы, специалистов для целостного изучения не только культурно-бытовой жизни народов, но и этнических процессов в современных условиях.

Л. М. Дробужева

К. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974, 341 стр.

Исследование формирования социалистических наций СССР не может быть полноценным без обстоятельного изучения этнической истории тех народностей, на основе которых сложились сами социалистические нации. Это в особенности относится к социалистическим нациям Средней Азии, в том числе узбекской, поскольку этническая история образовавших их народностей была очень сложной.

Однако научное значение рецензируемого труда состоит не только в том, что в нем досконально исследован один из весьма существенных компонентов узбекской народности. В книге К. Ш. Шаниязова рассматривается одна из тех проблем, которые всегда привлекали внимание исследователей истории и этнографии тюркоязычных народов, а именно кипчакская проблема. От ее решения зависит правильное освещение этногенеза и этнической истории многих народов Средней Азии и Казахстана, а также Приуралья, Северного Кавказа, Южной Сибири. Средневековые кипчаки сыграли важную роль как в формировании самих тюркоязычных народностей, так и их языков и культур. Поэтому исследование кипчакской проблемы в историко-этнографическом аспекте представляет большой интерес и для тюркологии в целом, и для этнографии нашей страны, и для истории народов СССР.

И хотя К. Ш. Шаниязов ограничивает цель своего труда исследованием отдельных моментов этнической истории узбекского народа, относящихся к участию в его этногенезе средневековых кипчаков (стр. 13), рамки его научных поисков значительно шире, они охватывают разные стороны всего того комплекса исторических, социально-политических и этнических вопросов, которые связаны с кипчакским этносом в целом. Принципиально важным представляется изучение автором названного комплекса в свете этнической истории многих других тюркоязычных народов.

Книга убедительно подтверждает также большую ценность полевых этнографических материалов о существовавших в сравнительно недавнем прошлом родо-племенных делениях, их генеалогиях, этнонимии и т. п. Несмотря на очевидную необходимость привлечения в качестве одного из историко-этнографических источников такого рода данных, еще сохранившихся в памяти старшего поколения, в последнее время среди некоторых исследователей (главным образом историков) получило известное распространение ничем не обоснованное скептическое, а иногда открыто негативное отношение к этому виду источников. Книга К. Ш. Шаниязова, в которой широко используются соответствующие данные по узбекам и другим тюркоязычным народам, показывает несостоятельность этой точки зрения.

С задачей выявления «историко-культурных и этнических связей одной из многочисленных реликтовых этнографических групп населения дореволюционного Узбекистана — кипчаков с племенами и народами Средней Азии, Казахстана, Сибири и других соседних регионов» (стр. 13), как и с этнографическим описанием зарафшанской и ферганской групп кипчаков автор успешно справился. Этому в значительной мере способствовала логичность структуры самой книги, включающей три основные части: исторические сведения о кипчаках, данные о кипчаках в составе узбеков (XIX — начало XX в.) и этнографический очерк (хозяйство, материальная культура, общественные и